

бытования переписки Курбского и Грозного и бытования остальных произведений Курбского. Все остальное «от лукавого». Нет ничего удивительного и в том, что списки произведений Курбского и части произведений Грозного сравнительно поздние. Почти все произведения древней русской литературы XI—XVI вв. сохранились в поздних списках. Сближать время первого списка с временем написания произведения, как это делает Э. Кинан, значит игнорировать опыт изучения всей древнерусской письменности.

Не обременяя себя исчерпывающими текстологическими доказательствами, которые могут быть основаны только на данных сличения текстов отдельных списков, Э. Кинан объявляет свои предположения «рабочей гипотезой» и предлагает далее другим ученым исследовать с помощью этой гипотезы содержание произведений Курбского и Грозного. Это неправильно во всех отношениях. Анализ любого произведения не должен заранее подчиняться «рабочей гипотезе», каким-либо предположениям. Выводы должны следовать за анализом, а не анализ должен подчиняться той или иной предвзятой, наперед высказанной идее, хотя бы и объявляемой «рабочей гипотезой». Научный анализ слишком тяжело страдает от различного рода предвзятых и наперед заданных идей.

Первоочередная задача последующих исследований сочинений Грозного и Курбского состоит не в проверке предположений и предложений Э. Кинана, как несколько наивно предполагает автор, а в том, чтобы тщательно изучать историю текста всех известных нам произведений, изучить язык и стиль Курбского и Грозного, характерные особенности их литературной манеры на основании наиболее достоверных текстов.

Только идя от этого конкретного материала, а не от предположений, и доводя исследование до полного конца, можно прийти к достоверным выводам. Исследование должно быть исчерпывающим.

Вопреки всяческим многочисленным оговоркам, в которых Э. Кинан признает, что работа им не закончена, что он дает лишь повод для размышлений и т. д., название книги звучит вполне категорично: переписка Курбского с Грозным признается «апокрифом» и в подзаголовке указано, что предметом исследования является датирование XVII веком Переписки, приписываемой князю Курбскому и царю Ивану IV. Следовательно, свой тезис Э. Кинан все же считает доказанным.

Изучение текста во взаимодействии с другими произведениями

Литературные произведения Древней Руси — переводные и оригинальные — находятся между собой в тесном взаимодействии. Авторы, редакторы и простые переписчики Древней Руси постоянно вставляли в свои произведения целые отрывки, выражения, образы из древних произведений.

Такого рода «улучшения» своего произведения за счет другого не считались предосудительными. Представления об авторской собственности в Древней Руси были иными, чем в новое время. Представления эти исторически менялись: они были своеобразны в античности, особы в среднем средневековье на Западе, а в Древней Руси они были не только отличны от нового времени, но менялись и по эпохам: авторское начало выступало более определенно в XVII в., менее определенно — в XVI и XV вв., еще менее четко — в эпоху до татаро-монгольского завоевания. Кроме того, в каждую эпоху развития древнерусской литературы представления об авторской собственности изменялись в зависимости от жанра произведения и от «ранга» автора (был ли он православным отцом церкви, князем, епископом или рядовым писцом). Развитие в Древней Руси представлений об авторе и об авторской собственности требует специального изучения; не будем поэтому входить в детали. Укажем только, что переносы из произведения в другое образов, мыслей, отдельных кусков текста; создание новых произведений на новые сюжеты на основе предшествующих были постоянны.

В ряде жанров Древней Руси заимствования из произведений своих предшественников являлись даже системой работы. Так, например, летописцы всегда стремились пополнить свою летопись за счет работы других летописцев. Так создавались летописные своды. То же мы можем сказать и о составителях хронографов.

Отсюда ясно, почему литературные произведения Древней Руси нельзя изучать изолированно от произведений предшествующих, одновременных и последующих.

Изучение взаимозависимости литературных произведений Древней Руси может дать очень важный дополнительный материал для текстолога. В частности, оно помогает уточнить датировку создания произведения. Так, например, если мы знаем время появления произведений, повлиявших на то произведение, время создания которого мы стремимся установить, то это дает нам «*terminus a quo*»: ясно, что изучаемое произведение создано позднее и под влиянием на него. Особенно следует стремиться установить, в какой своей редакции повлияло произведение на уточняемое. Это определение редакции повлиявшего произведения не только способно уточнить время создания произведения (если мы, конечно, знаем хотя бы приблизительную дату редакции), но очень много дает для изучения идеологии автора, круга его начитанности, для определения места создания произведения и пр.

Все, что мы знаем о повлиявшем произведении или о том, что представляла собой повлиявшая редакция произведения, может пригодиться при изучении памятника, на который это влияние было оказано.

Вот почему текстолог должен внимательно установить весь круг источников изучаемого произведения, он должен быть историком литературы в самом широком смысле этого слова. Правда, при этом перед ним стоят особые задачи по изучению текста, его истории, но эти задачи в дальнейшем так или иначе сливаются с задачами историка литературы.

Приведу пример важности изучения взаимосвязей произведения с другими произведениями для реконструкции истории его текста. Пример извлекаю из текстологических наблюдений над «Повестью о разорении Рязани Батыем».

Как известно, древнейший список «Повести о разорении Рязани Батыем» относится к сравнительно позднему времени — к XVI в. (ГБЛ, Волокол. № 523). Это значительно затрудняет изучение текста этой повести и реконструкцию ее первоначального вида. Вот почему чрезвычайно существенно выявить ее отражение в древнейших памятниках и, наоборот, отражение в ней других произведений.

«Повесть о разорении Рязани» имеет буквальные текстовые совпадения с Новгородской первой летописью под 1224 г., со всеми редакциями «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву в 1382 г.», со «Словом о житии и о преставлении царя русского Дмитрия Ивановича», со «Сказанием о Мамаевом побоище», с «Повестью о взятии Царьграда турками» и др. Все эти произведения древнее дошедшего до нас старейшего списка «Повести о разорении Рязани» (Волоколамское собрание, № 523), относящегося к XVI в. Поэтому отражение в «Повести о разорении Рязани» этих произведений и обратное отражение в них «Повести» может дать очень многое для выяснения истории текста «Повести» в веках, от которых не сохранилось ее списков.

Остановлюсь только на соответствиях «Повести о разорении Рязани» с «Повестью о нашествии Тохтамыша», причем в редакции, включенной в Новгородскую четвертую летопись. Приведу эти соответствия параллельно¹.

**«Повесть о нашествии
Тохтамыша на Москву»
(редакция Новгородской
четвертой летописи)**

1. Игнаша в след его неколико дний... и поидоша по дорозе его с тщанием, и постигоша его близ предел Рязаньския земля (с. 327; в Софийской первой летописи: близ предел рязаньских).

**«Повесть о разорении
Рязани Батыем
(редакция основная А)**

1. И сretoша его близ предел резански (с. 290). И погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздалстей (с. 293).

¹ «Повесть о разорении Рязани Батыем» здесь и далее цитирую по изданию: Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРЛ, т. VII. М.; Л., 1949. — «Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву» цитирую по «Полному собранию русских летописей» (т. IV, ч. 1, Новгородская четвертая летопись, вып. 2. Л., 1925).

2. Инаа некая словеса изнесе о том, как пленити землю Рускую (с. 327).
3. Нача сбирати вояи съвокупляти полки своа (с. 328).
4. Се же бысть велика язва всем татаром, яко и самому царю стужити осем (с. 332).
5. Толико же [сечаху, дондежа]¹ руце их и плещи их измолкоша, сила их изнеможе, сабли их не имуть, остриа их притупишася (с. 333).
6. Безбожи и бо силою разбиша двери церковьныя и сих мечи иссекоша (с. 334).
7. Многи монастыри разориша, и многи церкви раздружиша; в святых церквах убийство содеяше, и в священных олтарех кровопролитие сътвориша (с. 334).
8. И беаше видети тогда в гради плачь и рыдание, и вѣплъ мног и слезы неизъчетныа, крик неутолимый, стенание многое, охание сетованное, печаль горкаа, скорбь неутешимаа, беда нестерпимаа и нужда ужаснаа, горестъ смертнаа, страх и трепет, и ужас, дряхлование, ищезновение, попрание, бесчестье, поругание, посмехание врагом, укор, студ и срамота, поношение и уничижение, сиа вся
2. И желая Рускую землю попленити (с. 292).
3. И начаша совокупляти воинство свое и учредиша (с. 289; в редакции основной Б: начаше совокупляти войско свое и укрепляти, с. 310).
4. И ездя по полком татарским храбро и мужественно, яко и самому царю возбоятися (с. 293).
5. Еупатию тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася и емля татарскыа мечи и ссечаша их (с. 293).
6. И приидоша в церковь соборную пресвятыа богородици и великую княгиню Агрепену мать великаго князя, и снохами с прочими княгинями мечи иссекоша (с. 292).
7. А храмы божие разориша, и в святых олтарех много крови пролиаша (с. 292).
8. Бысть убо тогда многи туги и скорби, и слез, и воздыхания, и страха, и трепета от всех злых, находящих на ны (с. 298).

¹ В основном списке Новгородской четвертой летописи стоящих в квадратных скобках слов нет; они дополнены по другим спискам.

приключишася на крестьянском роду от поганых за грехи наша (с. 335).

9. И бяше дотоле преже видети, была Москва град велик, град чуден, град многочисловечен, в нем же множество людьи, в нем же множество огосподьства, в нем же множество всякого узорочья, и паки в единомъ часе изменися видение его, егда взят бысть и посечен и пожжен, и нечего его видети, развеи токмо земля и персть, прах, пепел, трупья мертвых многа лежаще, и святые церкви стояще аки разорены, аки осиротевше, аки овдовевше... (после изложения плача Церкви следует текст):
Вси лежать, вси уснуша и почиша, вси посечени быша и изъбьени, усечениемъ меча умроша; несть позвонение в колоколы ни в било, несть зовущаго, ни текущаго, не слышати в церкви гласа поюща, ни слышати славословия и хвалословия, не бысть в церквах стихословия и благодарения; въистинну суета чловечаскаа и бысть мятеж чловеческий; сиче же бысть конецъ Московскому пленению. Не токмо же единая Москва взята бысть тогда, но и прочии гради и страны пленений быша (с. 336–337).

10. Отшедшим же тотаром, и потом не по мнозех днях благоверный князь Дмитрий и Володимерь, коиждо с своими боляри старейшими, въехаста в свою отчину, в град Москву, и видеша град взят и пленен и огнем пожжен, и святые церкви разорены, а людьи побии-

9. Сий бо град Резань и земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети — токмо дым [и земля — редакция основная Б] и пепел, а церкви все погореша, а великая церковь внутри погоре и почернеша. Не един бо сий град пленен бысть, но и инии мнози. Не бе бо во граде пения, ни звона, в радости место всегда плач творяще. Князь Ингварь Ингоревич поиде и где побьени быша братья его от нечестиваго царя Батыа: великий князь Юрьи Ингоревич Резанский, брат его князь Давид Ингоревич, брат его Всеволод Ингоревичь и многиа князи месныа, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалцы и резвцы, узорочие резанское. Лежаша на земли пусте, на траве ковыле, снегом и ледом померзоша, никим брегома. От зверей телеса их снедаема, и от множества птиц разъстерзаемо. Все бо лежаша, купно умроша, едину чашу пиша смертную (с. 296–297; далее следует плач Ингваря Ингоревича).

10. Князь Ингварь Ингоревич в то время был в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского богъм соблюден от злаго того отметника, врага христьянскаго. И прииде из Чернигова в землю Резанскую во свою отчину, и видя ея пусту, и услыша, что

тых, трупъа мертвыхъ бе-щисла ле-жащихъ, и о семь сжалиша си зело, яко и расплакатися има с слеза-ми. Кто бо не въсплачется таковыа погибели градныа? Кто не жалуетъ толика народа людей? Кто не потужить о селице множе-стве крестьянъ? Кто не сету-еть сицеваго пленения и съкрушения? (с. 338; далее похороны мертвых).

братья его все побиены от нечести-ваго законопреступника царя Ба-тыя, и прииде во град Рязань и в и-дя град разорен, а матеръ свою, и снохи своа и сродник сво-их, и множество много мертвых ле-жаща и град разорен, церкви поз-жены и все узорочье в казне черни-говской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грех ради на-ших, и жалостно возкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вещающи. И от вели-кого кричаниа, и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертв. И ед-ва отльеяша его, и носяша по вет-ру. И едва отдохну душа его в нем. Кто бо не възплачетца то-лика погибели, или хто не възрыдает о селице наро-де людей православных, или хто не пожалит толико побито великих государей, или хто не постонет та-коваго пленения? (с. 295–296; да-лее похороны мертвых).

Совпадает «Повесть о нашествии Тохтамыша» с «Повестью о разорении Рязани» и в отдельных выражениях. Так, в «Повести о нашествии Тохтамыша» дважды встречается сравнительно редкое слово «узорочье» (с. 336 и 338), столь частое в «Повести о разорении Рязани». Правда, в «Повести о нашествии Тохтамыша» оно употребляется только в значении «драгоценности», в «Повести о разорении Рязани» же это слово имеет переносное значе-ние — «рязанские богатыри», «храбрецы». О татарине, убитом суконником Адамом, в «Повести о нашествии Тохтамыша» говорится, что он был «нарочит и славен» (с. 332). Слово «нарочит», «нарочитый» также редкое, и как раз в отношении некоторых из татар оно употребляется в «Повести о разоре-нии Рязани»: «нарочитые богатыри Батыевы» (с. 294).

Итак, связь «Повести о нашествии Тохтамыша» с «Повестью о разоре-нии Рязани Батыем» несомненна. Какая же из этих повестей на какую по-влияла?

Бесспорно, что «Повесть о разорении Рязани» древнее конца XIV в., ина-че говоря древнее и «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву», дей-ствие которой совершается в 1382 г. Сходные между обеими повестями мес-

та органически входят в состав «Повести о разорении Рязани», они не могут быть отнесены к элементам только внешнего оформления.

Непосредственное наблюдение над текстом также с бесспорностью убеждает в том, что «Повесть о разорении Рязани» первична по отношению к «Повести о нашествии Тохтамыша». Текст «Повести о разорении Рязани» за исключением плача Ингваря Ингоревича, не повлиявшего на «Повесть о нашествии Тохтамыша» (о плаче Ингваря Ингоревича см. ниже), лишен каких бы то ни было элементов стиля времени второго южнославянского влияния. «Повесть о нашествии Тохтамыша» же это влияние испытала и, в частности, одно место из «Повести о разорении Рязани» переработала именно в этом роде (см. выше, № 8 в таблице сличений).

Последовательность литературных реминисценций из «Повести о разорении Рязани» в «Повести о нашествии Тохтамыша» в основном совпадает с ходом развития «Повести о разорении Рязани». Это объясняется отчасти тем, что сюжет обеих повестей и лежащие в их основе события до некоторой степени сходны. Но это позволяет в известной мере судить о составе того текста XIV в. «Повести о разорении Рязани», который повлиял на «Повесть о нашествии Тохтамыша».

Отметим, что среди использованных в «Повести о нашествии Тохтамыша» текстов «Повести о разорении Рязани Батыем» отсутствуют две части последней: «Похвала роду рязанских князей» и «Плач Ингваря Ингоревича», наличные в обеих дошедших до нас древнейших редакциях «Повести о разорении Рязани» (в редакции основной А и в редакции основной Б обоих видов).

«Похвалы роду рязанских князей» мы касаться сейчас не будем (это вопрос сложный и особый)¹, а в отношении «Плача Ингваря Ингоревича» отсутствие его влияния на «Повесть о нашествии Тохтамыша» позволяет окончательно решить спор о том, наличествовал ли он в древнейшем виде «Повести о разорении Рязани».

Как уже было отмечено в исследовательской литературе А. И. Соболевским² и В. П. Адриановой-Перетц, плач Ингваря Ингоревича в «Повести о разорении Рязани» и плач вдовы Дмитрия Донского Евдокии в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» имеют общие места³. Приведем оба плача параллельно:

¹ См. об этом в статье Д. С. Лихачева «Литературная судьба "Повести о разорении Рязани Батыем" в первой части XV в.» (сб. «Исследования и материалы по древнерусской литературе». М., 1961. С. 20–22). См. также: Д. С. Лихачев. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем». — Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 48–51.

² А. И. Соболевский. К «Слову о полку Игореве». — Известия по русскому языку и словесности АН, т. II, кн. 1. Л., 1929. С. 177–182.

³ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского». — ТОДРЛ, т. V. М.; Л., 1947. С. 78–81.

Плач Евдокии по Новгородской четвертой летописи

В е д е в ж е е г о к н я г и н и м е р т в а , н а п о с т е л и л е ж а ш а , в ъ с п л а к а с я г о р к ы м г л а с о м , о г н е н ы а с л е з ы о т о ч и ю и с п у щ а ю щ е , у т р о б о ю р а с п а л а ю щ е , в п е р с и с в о я р у к а м а б ь ю щ е , я к о т р у б а р а т ь п о в е д а ю щ и , я к о л а с т о в и ц а р а н о ш е п ч а ю щ и , и а р г а н ы с л а д к о в е щ а ю щ и и г л а г о л ю щ и : « К а к о у м р е ж и в о т м о й д р а г и й , м е н е е д и н у в ъ д [о] в о ю о с т а в и в ? П о ч т о а з п р е ж е т е б е н е у м р о х ? К а к о з а и д е с в е т о т о ч и ю м о е ю ? Г д е о т х о д и ш и , с о к р о в и щ е ж и в о т а м о е г о ? П о ч т о н е п р о м о л в и ш и к о м н е , у т р о б а м о я , к ж е н е с в о е й ? Ц в е т е п р е к р а с н ы и , ч т о р а н о у в ь я д а е ш и ? В и н о г р а д м н о г о п л о д н ы й , у ж е н е п о д а е ш п л о д а с е р д ц у м о е м у и с л а д о с т и д у ш и м о е й . Ч е м у , г о с п о д и н е м о й м и л ы й , н е в ъ з о з р и ш и н а м я ? Ч е м у н е п р о м о л в и ш и к о м н е ? Ч е м у н е о б р а т и ш и с я н а п о с т е л и s в о е й ? У ж е л и м я е с и з а б ы л ? Ч т о р а д и н е в з и р а е ш и н а м е н е и н а д е т и м о и ? Ч е м у и м o т в e т а н e д а с и ? К о м у л и м e н e п р и к а з ы в а e ш и ? С о л н ц е м о е , р а н о з а х о д и ш и ; м е с я ц ь м o й к р а с н ы й , с к о р о п o г и б а e ш и , з в e з д o в o c т o ч н а я , п o ч т o к з a п a д у г р я д e ш и ? Ц а р ю m o й м и л ы й , к a m o п р и м у т я , к a k o т я o б o и м у , и л и k a k o т и п o c л у ж ю ? Г д e , г o c п o д и н e , ч e c т ь и c л a в a т в o я , г o c п o д ь

Плач Ингваря Ингоревича в «Повести о разорении Рязани» (редакция основная А)

В и д я к н я з ь И н г в а р ь И н г о р е в и ч в е л и к у ю к о н е ч н у ю п o г и б е л ь г р e x р a д и н a ш и x , и ж a л o c т н o в o з к р и ч a ш a , я k o т р у б a р a т и г л a c п o д a в a ю щ e , я k o c л a d k и й a р г a н в e щ a ю щ и (с . 295–296).

И в и д я к н я з ь И н г в а р ь И н г о р e в и ч в e л и я т р у п и a м e р т в ы x л e ж a ш a , и в o c к р и ч a г o p ь k o в e л и e m г л a c o m , я k o т р у б a р a c п a л a я c я , и в п e p ь c и c в o и р у k a m a б и ю щ e , и y д a p я ш e c я o з e м л я . С л e z ы ж e e г o o т o ч и ю , я k o п o т o k , т e ч a ш e и ж a л o c т н o в e щ a ю щ и ¹ : О м и л я я m o a б р a т ь я и г o c п o д и н e ! К a k o y c л e ж и в o т e m o i d p a g и и ! М e н e e d и n a г o o c т a в и ш a в т o л и ц e п o г и б e л и . П р o ч т o a з п р e ж e в a c n e y m p o x ? И k a m o з a и д e c т e , o ч и ю m o e ю , и г d e o т o ш л и e c т e , c o k p o в и щ a ж и в o т a m o e г o ? П р o ч т o н e п p o m o л в и т e k o m н e , б р a т y в a ш e m y , ц в e т ы п р e k p a c н ы и , в и н o г p a d e m o i н e c o з p e л ы й ? ² У ж e н e п o d a c т e c л a d o c т и д у ш и m o e й ! Ч e m y , г o c п o д и н e , н e з p и т e k o m н e — б р a т y в a ш e m y , н e п p o m o л в и т e , c o m н o ю ? У ж e л и z a б ы л и e c т e м e н e , б р a т e c в o e г o , o t e d и n a г o o т c a p o ж d e n a г o , и e d и н ы e y т p o б ы ч e c т н a г o п л o d a m a т e p и n a ш e й — в e л и k и e к н я г и н и A r e п и н ы P o c т и c л a в н e , и e d и н ы m c o c c o m в o з d o e н ы x m н o г o п л o d n a г o в и н o г p a d a ? И k o m y п p и k a z a л и e c т e

¹ Ср. в редакции основной Б: «Видя же то князь Ингварь Ингоревич, и возопи горким гласом, велми ревый, слезы от очию испущающи, яко струю силну, утробою распалающи, в перси рукама бьющи и гласом же, яко труба рати повещающим, яко арган слатко вещающе» (С. 317).

² В редакции основной Б: «многоплоднии» (Там же).

ство твое? Господин всей земли Руской был еси, ныне мертв лежиши, никим же владеши; многы страны примирил еси, ныне же смертию побежен еси, изменися слава твоя, и зрак лица твоего превратися в истление. Животе мой, како намилуюся тебе, како повеселуюся с тобой? За многоценна багряница худы сия и бедные ризы приемиши; не моего наряда одеяние на себе въздеваеши и за царский венец худым сим платом главу покрываеши, за оплату красную гроб сий приимаеши. Свете мой светлый, чему помрачился еси? Гора великая, како погыбаеши? Аще бог услышит молитву твою, помолися о мне, княгини твоей, вкупе жих с тобою, вкупе ныне и умру с тобою; уность не отиде от нас, а старость не постиже нас; кому приказываеши мене и дети свои? Немного, господине, радовахся с тобою; за веселие печаль и слезы придоша ми, за утеху и радость сетование и скорбь явими ся. Почто родихся и родився, прежде тебе како не умрох, да бых не ведала смерти твое[e]я, а своя погубели? Не слышиши ли, князь, бедных моих словес? Не смилят ли ся моя горкая слезы? Крепко еси, господине мой драгий, уснул: не могу разбудити тебе; с которыя воины еси пришел? Истомился еси велми; звери земнии на ложи

меня — брата своего? Солнце мое драгое, рано заходящее, месяци красныи, скоро изгибли есте¹; звезды восточныи, почто рано зашли есте?² Лежите на земли пугте, ни ким брегома, чести-славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша. Где господство ваше? Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пугте, зрак лица вашего изменися во истлении. О милая моя братиа и дружина ласкова, уже не повеселюся с вами! Свете мой драгий³, чему помрачились есте? Немного на радовахся с вами!⁴ Аще услышит бог молитву вашу, то помолитесь о мне, о брате вашем, да вкупе умру с вами. Уже бо за веселием плач и слезы придоша ми, а за утеху и радость сетование и скорбь явими ся! Почто за не преже вас умрох, да бых не видел смерти вашей, а своя погубели. Не слышите ли⁵ бедных моих словес жалостно вещающа? О земля, о дубравы поплачите со мною! Како нареку день той, или како возпишу его — в он же погубе только господарей и многие узорочье резанское храбрых удалцев. Ни един от них возвратися вспять, но вси равно умроша, едину чашу смертную пиша. Се бо в горести души моя язык мой связается, уста за-

¹ В редакции основной Б: «месяц мой красной, скоропогибший».

² В редакции основной Б: дополнительно: «Где, господине, честь и слава ваша?»

³ В редакции основной Б: «Свете мой светлый».

⁴ В редакции основной Б дополнительно: «уность бо не отиде от нас, а старость не постиже нас».

⁵ В редакции основной Б дополнительно: «господине».

свои идут, а птица небесная ко гнездом своим летать, ты же, господине, от своего дому не красно отходиши. Кому уподоблюся, како ся нареку? Вдова ли ся нареку? не знаю аз сего; жена ли ся нареку? осталася есмь царя. Старыя вдовы, потешайте мене, а младыя вдовы, поплачите со мною: вдовья бо беда горчае всех людей. Како ся всплачю или како възглаголю? Великий мой боже, царь царем, заступник ми буди; пречистая госпоже богородице, не остави мене, в время печали моей не забуди мене» (с. 358–360). Слыши, небо, внуши земли! Как о вспевшут и како възглаголю о преставлении твоём? От горести душа язык связается, уста заграждаются, гортань премолкает, смысл изменяется, зрак опустевает, крепость и зне [мо] гает; аще ли промолчу, нудить мя язык яснее реши (с. 360).

гражаются¹, зрак опустевает, крепость изнемогает.

А. И. Соболевский, впервые отметивший сходство плача Евдокии и плача Ингваря Ингоревича, счел плач Евдокии переделкой плача Ингваря, не приведя никакой аргументации. Он писал: «С “плачем” рязанского князя представляет очень много общего “плач” вдовы Дмитрия Донского по умершем муже. Текст “Слова о Дмитрии Донском” приспособлен к московской обстановке; тем не менее одни и те же выражения, фразы в обоих плачах бросаются в глаза. Можно сказать, московский “плач” — переделка рязанского»².

Против этой точки зрения высказалась В. П. Адрианова-Перетц, приведшая и доказательства обратной зависимости, — именно: плача Ингваря Ингоревича от плача Евдокии. В. П. Адрианова-Перетц справедливо отмечает, что гиперболическое описание горя³ отвечает стилистической манере XV в.,

¹ В редакции основной Б дополнительно: «гортань премолкает, смысл изменятца».

² А. И. Соболевский. К «Слову о полку Игореве». С. 181.

³ В. П. Адрианова-Перетц делает ссылку на следующее место плача Ингваря: «Видя же то князь Ингварь Ингоревич и возопи горьким гласом, велми ревый, слезы от очию испущающи, яко струю сильную утробою распалающияся, в перси руками бьющи и гласом же яко труба рати поведающи, яко орган сладко вещающи» (В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго». С. 94).

но маловероятно в памятнике XIII в. Заимствования из плача Евдокии выдаются в плаче Ингваря и отдельные, не приспособленные к требуемому смыслом двойственному числу выражения — более уместные в плаче Евдокии, чем в плаче Ингваря¹.

Отметим попутно, что этих несоответствий в числе гораздо больше в редакции основной Б «Повести о разорении Рязани», чем в редакции основной А. Редакция основная Б ближе плачу Евдокии, чем редакция основная А, и в ней поэтому больше несообразных со смыслом плача Ингваря отдельных мест: в частности, — употребление по отношению ко многим убитым звательного единственного числа «господине» (трижды), единственного числа «месяц мой красный, скоропогибший» (в редакции основной А единственное число заменено на множественное: «месяцы красны, скоро изгибли есте»).

Плач Евдокии имеет много параллелей в литературных памятниках XV—XVII вв.² Теоретически можно было бы предположить, что плач Ингваря Ингоревича восходит не к плачу Евдокии «Слова о житии и о преставлении», а к какому-то другому, неизвестному нам плачу, вероятнее всего вдовьему, из которого явился и плач Евдокии. Это предположение тем более правдоподобно, что плач Евдокии своими народными элементами резко выделяется в «Слове о житии и о преставлении», и некоторые списки этого «Слова» (в частности, тот, что находится в составе Никоновской летописи) не имеют плача Евдокии, что как будто бы позволяет предполагать его происхождение из вставки.

Тем не менее есть один признак, по которому мы можем безошибочно определить зависимость плача Ингваря именно от плача Евдокии в составе «Слова о житии и о преставлении». В плаче Ингваря имеется одно очень странное место, до сих пор не обращавшее на себя внимания исследователей; Ингварь говорит: «Како нареку день той, или како в о з п и ш у его» (с. 298). Непонятно — каким образом любители легких атрибуций не присадили всей «Повести о разорении Рязани» авторству князя Ингваря Ингоревича: он единственный из князей рязанских остался в живых, он от своего лица описывает как очевидец поле, усеянное трупами, он оплакивает рязанских князей и он же пишет о себе в первом лице «како возпишу», т. е. прямо указывает на себя как на лицо, собирающееся описать события. Дело, однако, объясняется проще: автор плача Ингваря Ингоревича, переделывая плач Евдокии, не знал, где ему остановиться и, перешагнув через

¹ «Како успе, животе мой драгий... Како заиде, свете очию моею... кому приказываете мя, солнце мое драгое, рано заходящее, месяц мой красный, скоро погибший [в плаче Евдокии «солнце» и «месяц» — два эпитета, с которыми вдова обращается к умершему мужу, здесь они неудачно разделены] ... свете мой светлый, чему помрачилися есте» (там же).

² Эти соответствия указаны в вышеназванной работе В. П. Алриазовой-Перетц

плач, заимствовал часть своего материала из самого «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»: «Слыши, небо, внуши земли! Какò въспевшу в (Софийской первой: «какò в ъ с п и ш у». — Д. Л.) ти, какò възглаголю о преставлении твоём? От горести душа язык связывается, уста заграждаются, гортань премолкает, смысл изменяется, зрак опустевает, крепость изнемогает: аще ли промолчю, нудить мя язык яснее реши» (с. 360); весь этот текст в «Слове о житии и о преставлении» дается автором от своего собственного лица, а не от лица Евдокии, но автор переделки «Повести о разорении Рязани» этого не заметил и перенес его в плач Ингваря.

Заимствование выдает и особое место, занимаемое плачем Ингваря в «Повести о разорении Рязани Батыем». В редакции основной Б, дающей наиболее близкий к плачу Евдокии вариант плача Ингваря, последний выделен даже особым заголовком: «Плачь князя Ингваря Ингоревича о брати побиенных от нечестиваго царя Батыа» (с. 317). Плач разрывает текст повести, имеющей без него более цельное строение. Неловкость вставки видна и из того, что плач Ингваря Ингоревича повторяется дважды (один раз при въезде в Рязань, другой раз — на поле битвы) и каждый раз вводится сходными выражениями, заимствованными из «Слова о житии и о преставлении».

Редакция основная А

Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грех ради наших, и жалостно возкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вещающи. И от великаго кричания, и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертв (с. 295–296).

И видя князь Ингварь Ингоревич велия трупа жертвх лежаща, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перьси свои рукама биюще, и ударяшеса о земля (с. 297).

Итак, текст плача Ингваря Ингоревича — вставка в первоначальный текст «Повести о разорении Рязани Батыем». Реконструируя этот первоначальный текст, плач Ингваря Ингоревича включать в него не следует. Окончательному разрешению вопроса об этом плаче помогло изучение взаимоотношений «Повести о разорении Рязани Батыем» с другими литературными произведениями XIV–XVI вв.

Изучение взаимоотношений литературных произведений имеет особое значение для установления первоначальных чтений. Это можно было бы показать и на «Повести о разорении Рязани Батыем», но удобнее это сделать на примере сходных мест «Слова о полку Игореве» и «Задонщины».

Бесспорно доказана зависимость «Задонщины» от «Слова о полку Игореве»¹. Вся центральная часть «Задонщины» — рассказ о Куликовской победе — построена на «Слове о полку Игореве», как на своем литературном образце. «Задонщина» — памятник конца XVI в.² Единственный список «Слова о полку Игореве», сгоревший в Московском пожаре 1812 г., восходил к XVI или XV в., но не ранее. Следовательно, «Задонщина» дает материал для восстановления текста «Слова», имевшегося в руках у автора «Задонщины» в конце XIV в. Отсюда ясно, что показания «Задонщины» непременно должны приниматься во внимание при реконструкции первоначального текста «Слова». Приведу примеры.

На то обстоятельство, что текст «Задонщины» дает важные материалы для реконструкции первоначального текста «Слова о полку Игореве», еще давно обратила внимание В. П. Адрианова-Перетц.

Она пишет: «Более или менее точно повторенные в "Задонщине" выражения "Слова" позволяют проверить некоторые суждения комментаторов "Слова" о правильности отдельных чтений первого издания. Исследователями было высказано немало догадок по поводу того, как следует читать и понимать фразу первого издания: "растекашеться мыслию по древу". Наиболее привилась поправка, предложенная Карелкиным³, вместо "мыслиючи" читать "мысію", т. е. белкой. "Задонщина" показывает, что по крайней мере в том тексте "Слова", который использовал Софония (предполагаемый автор "Задонщины". — Д. Л.), читалось "мыслию". Отсюда в списках "Задонщины" разные варианты образа "Слова", слитого притом со следующим ("растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли"): "не поразимся мыслию но землями" (Унд.), "не поразился мысленными землями" (Синод.), "потрезвимъся мыслями и землями" (Ист. М. № 2060). Образ "Слова" остался непонятым автором "Задонщины", но, как бы неудачно ни передавали его переписчики, всегда остается след чтения "мыслию", а не "мысію".

В обращении к Бояну первое издание и Екатерининская копия так передают текст мусин-пушкинской рукописи: "...летая умомъ подь облакы, свивая с л а в ы оба полы сего времени". Издатели и комментаторы различно

¹ Попытки сперва Л. Леже, а затем А. Мазона и А. А. Зимина «перевернуть» отношения «Слова» и «Задонщины» текстологически опровергаются. Из последних работ укажем: R. Jakobson, D. S. Worth. Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. The Hague, 1963; Д. С. Лухачев. Черты подражательности «Задонщины». (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве»). — Рус. лит., 1964, № 3; Р. П. Дмитриева. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966; О. В. Творогов. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — Там же.

² Важные соображения именно о такой датировке были высказаны М. Н. Тихомировым: Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957. С. 258–259.

³ Карелкин. Рецензия на перевод «Слова» Н. Гербея. — Отеч. зап. 1854, т. 93. С. 9–10.

читают это слово («славы»); Д. Дубенский¹ пишет: «славы — или описка, вм. славою, или чит. славы, т. е. по-соловьинному... или это винит. множ. ч. свивая (что?) славы — славные деяния...» Ф. И. Буслаев² предположил, что «славы может быть испорчено вм. славию (о соловей) или же род. пад. ед. ч. от сущ. слава: обе половины славы». Чтение «славию» принято большинством новейших издателей «Слова». Не отрицая возможности такого исправления, заметим, однако, что текст «Задонщины» как будто свидетельствует скорее о чтении «славы» в той рукописи «Слова», которой пользовался Софония: «пой славу» (К.-Б.), «воспой славу» (Ист. М. № 2060, Унд).

Неясное выражение «Слова» — «уже бо бѣды его пасеть птицъ подобю», вслед за А. Потемней, многие исследователи исправляют на «...птицъ по дубию»³. В «Задонщине» этому эпизоду соответствует чтение: «А уже беды их пасоша (вар. пасушеся, пашутся) птица крилати под облакы летают». Может быть, «под облакы» заменило в «Задонщине» «подобю», а не «по дубию»?⁴

Чтение «Слова» «а въ нихъ трепещуть синии мльнии» было предложено исправить на «а въ нихъ трепещуть си синии мльнии»⁵. Текст «Задонщины» не подтверждает этой поправки, в нем читаем: «и въ нихъ трепещуть синие молнии».

Принятая всеми исследователями «Слова» поправка к первому изданию в обращении к князьям Роману и Мстиславу, где вместо ожидаемого «подклониша» стоит «поклониша» («а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи»), подтверждается «Задонщиной»: «а главы своя подклониша под мечи руския». Хотя «поклониша» повторяется и в Екатерининской копии «Слова», вряд ли следует рассматривать это чтение как особенность мусин-пушкинской рукописи, отсутствовавшую в оригинале «Задонщины». Вероятно, издатели пропустили здесь надстрочное *д*. Сохранение в «Задонщине» образа «Див» — вещая птица («кликнуло Диво в Русской Земли», «А уже Диво кличетъ под саблями татарскими», «уже веръжено Диво на землю») показывает искусственность домыслов А. Югова⁶ о значении слова «дивь» в «Слове о полку Игореве»⁷.

¹ Слово о плъку Игореве Святъславля пестворца стараго времени. М., 1844. С. 24.

² Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861. С. 600.

³ См. так и в последнем издании труда академика А. С. Орлова: «Слово о полку Игореве». М.; Л., 1946. С. 67.

⁴ В. А. Яковлев, следуя за «Задонщиной», вводит в текст «Слова» взамен обычного «подобю» или «по дубию» — «под облакы»: «Уже бо Бѣда его пасеть птицъ подъ облакы» (Слово о полку Игореве. СПб., 1891. С. 3, 33).

⁵ И. Козловский. Палеографические особенности погибшей рукописи «Слова о полку Игореве». М., 1890 (отд. отт. из «Древностей» Моск. арх. общ.). С. 10.

⁶ Слово о полку Игореве. Пер. и комментарии Алексея Югова. М., 1945. С. 117–118.

⁷ В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.; Л., 1948. С. 218–220.

Итак, работа по использованию других памятников для текстологического исследования чрезвычайно трудоемка и требует предварительного текстологического исследования всех привлекаемых к сличению произведений. Эта работа мало производилась даже по основным памятникам древнерусской литературы, но она может дать интереснейшие и существенные выводы, особенно в отношении тех произведений, древнейший текст которых до нас не дошел.

В целом же ни один памятник древнерусской литературы не должен исследоваться текстологом изолированно от других памятников, если эта изолированность не лежит в самой истории текста этого памятника. Таких изолированных памятников в древнерусской литературе крайне немного. «Поучение» Владимира Мономаха — один из немногих примеров такой текстологической изолированности.

Рассмотрев в предшествующем разделе необходимость изучения текста памятника в тесной связи с историей текста тех сборников, в которых читается произведение, а в данном разделе необходимость изучать текст памятника в связи с текстами тех памятников, которые находились с изучаемыми в литературном родстве, мы можем говорить о комплексном изучении текста как об одном из важнейших принципов текстологии. В текстологии все взаимосвязано, нельзя предвзято ограничить изучение памятника какой-либо одной его стороной, нельзя изолировать памятник, как мы видели, не только от других памятников и от текста содержащих его сборников, но и от всех вопросов истории литературы и от данных истории.

Чем шире текстолог в своем исследовании, тем успешнее он работает, тем меньше опасности имеет для него известная механичность в приемах работы, выработанная традиционной текстологией.

Изучение текстов в связи с работой скрипториев

В определении причин изменения текста, да и в установлении этих изменений очень большое значение имеют данные, извлекаемые из рукописей, вышедших из одной и той же книгописной мастерской. У книгописной мастерской могут быть свои особые цели переписки, свои идеи, пронизывающие текст целого комплекса рукописей, своя манера работы, даже свои почерки и свои переплеты. К сожалению, изучением скрипториев у нас начали заниматься только в самое последнее время, поэтому данные, которые могут быть извлечены в целях истолкования литературных текстов из сопоставления с другими рукописями, вышедшими из тех же скрипториев, привлекались пока что совершенно недостаточно.

В широкой степени впервые привлек эти данные для русского материала М. Д. Приселков в исследовании ханских ярлыков русским митрополитам¹.

¹ М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. СПб., 1915.